

УДК 811.111'25

В. Я. Мизецкая

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ “ЗАГАДКИ” ШЕКСПИРА И ИХ ПЕРЕВОД

Стаття присвячена розгляду проблем інтерпретації та перекладу так званих “незрозумілих фрагментів” в драматургічних творах Шекспіра. Головні труднощі обумовлені значною часовою дистанцією, змінами як орфографічного, так і семантичного характеру, а також історико-культурними розбіжностями. В першу чергу, аналізуються різні версії перекладу “темних фрагментів” в трагедії “Гамлет”.

Деякі варіанти інтерпретації ламають традиційні уявлення щодо персонажів трагедії. Під час вибору найбільш вдалих варіантів перекладу було впроваджено різні методи, в тому числі контекстуальний аналіз та прийоми, що базуються на механізмах логічних операцій. Діахронічний підхід дозволяє простежити етапи семантичних змін окремих слів та словосполучень.

Ключові слова: незрозумілі фрагменти, орфографічні та семантичні трансформації, інтерпретація, переклад.

Статья посвящена рассмотрению проблем интерпретации и перевода так называемых “трудных мест” в драматургических произведениях Шекспира. Основные трудности обусловлены значительной временной дистанцией, изменениями как орфографического, так и семантического характера, а также различиями культурно-исторического порядка. Анализируются в первую очередь различные версии перевода “трудных мест” в трагедии “Гамлет”. Некоторые варианты интерпретации ломают традиционные представления об известных персонажах трагедии. При выборе наиболее удачных вариантов перевода использовались различные методы, в том числе контекстуальный анализ и приемы, базирующиеся на механизмах изменений отдельных слов и словосочетаний.

Ключевые слова: трудные места, орфографические и семантические трансформации, интерпретация, перевод.

The article deals with the interpretation and translation of “obscure fragments” in the plays by Shakespeare.

The main difficulties are stipulated by the time distance, changes of orthographic and semantic characters, cultural and historical differences between the initial and target languages also being of great importance.

Special attention is given to the “obscure places” of the tragedy “Hamlet”. Some interpretation versions break the traditional images of the personages of the play. The author analyses the “pros” and “cons” of different variants of translation and substantiates her choice of the best ones using the historical and cultural facts and applying different linguistic methods, including the contextual one and logic-based operation. The diachronic approach helps to trace back the transformation of some words and expressions used by Shakespeare in his plays.

Key words: *obscure fragments, orthographic and semantic transformations, interpretation, translation.*

Настоящая статья ставит своей целью толкование “трудных мест” в трагедии Шекспира “Гамлет, принц датский” и нахождение наиболее точных вариантов их перевода.

Как известно, проблемами перевода шекспировских произведений занимались многие ученые (см., напр. [1–3] и др.).

Тем не менее тема остается актуальной и сегодня, в связи с необходимостью решить многие вопросы, которые до сих пор остаются спорными. Это касается прежде всего так называемых “темных мест” шекспировских текстов с их многочисленными лингвистическими “загадками”. Вопрос о семантическом наполнении некоторых лексем и словосочетаний остается открытым.

В процессе изучения “трудных мест” наиболее эффективными представляются контекстологический и компонентный анализ, а также приемы сравнительного анализа асимметричного и симметричного порядка.

Как известно, в богатейшем словаре Шекспира насчитывается не менее 29066 лексических единиц, о чем свидетельствуют данные наиболее тщательно составленного конкорданса Спевака [4]. Здесь представлены ЛЕ всех стилистических пластов английского языка, — от возвышенных, поэтических до обценных, бранных. Более того, не довольствуясь английской лексикой своего времени (XVI–XVII вв.), Шекспир свободно создавал неологизмы, а также широко заимствовал иноязычные слова.

Многообразие его синонимов необычайно, а содержательная емкость фраз во много раз увеличивается за счет использования полисемантических слов. Нередко число значений одного слова, которые ре-

ализуются в драматургических текстах Шекспира, превышает число 10, а глагол *to fall*, например, имеет не менее 19 лексико-семантических вариантов. Благодаря использованию омографов и омофонов в сочетании с полисемией Шекспир создает неповторимые конструкции, построенные на игре слов, что делает речь персонажей живой и остроумной.

Язык Шекспира насыщен необычайной образностью. В зрелых пьесах великого драматурга метафоры составляют самое существо его поэтики, органично встраиваясь в рамки его героев.

Помимо указанных особенностей, которые вызывают трансформационные сложности, трудности перевода связаны и с тем, что многие слова времен Шекспира на протяжении веков подвергались семантическим изменениям. Например, недостаточная семантическая прозрачность адъектива *fat* до сих пор оставляет открытым вопрос о концепции образа главного героя трагедии “Гамлет, принц датский”. Действительно, в тексте пьесы королева Гертруда, которая следит за поединком Гамлета и Лаэрта, произносит следующую фразу:

He's fat and scant of breath [5, p. 125].

На основании именно этой реплики с прилагательным *fat* и делается вывод о том, что Гамлет был достаточно упитанным, если не толстым. Как известно, это отвечает сегодняшней трактовке основного значения данного слова:

Fat — 1. *weighing too much because you have too much flesh on your body* [6, p. 544].

Исходя из этого, современные переводчики вводят в производный текст прилагательные “толстый”, “грузный” или “тучный”. Так, в переводе М. Лозинского находим:

Гертруда

Он тучен и одышлив [7, с. 267].

Некоторые шекспироведы предлагают переводить это слово как “потный”. Подобный вариант можно найти в переводе “Гамлета” М. Пешковым. В этом случае в подтверждение своей версии переводчики ссылаются на следующую фразу в той же реплике Гертруды:

Here, Hamlet, take my napkin, rub the brows [5, p. 125], т. е. Гертруда предлагает Гамлету стереть пот со лба. Стало быть, делается вывод, что королева говорила о потливости сына, а не о его весе.

Те, хто не погоджений з цими версіями перекладу, посилаються на той факт, що в XVI–XVII вв. прикметникове *fat* мало і другий значення — *dull, slow-witted*, т. є. сумасшедший, “не в собі”, страждаючий душевним недугом.

Вони вважають, що прикметникове *fat* у Шекспіра в цій репліці не має семантичної складової, а пов'язано з його психологічним станом.

Наконець сторонники ще однієї гіпотези говорять про те, що лексема *fat* з'явилася в тексті в результаті помилки, допущеної переписувачами. Вони вважають, що в оригінальному тексті було використано не прикметникове *fat*, а прикметникове *hot* в значенні “розгорячений”, “взбуджений”.

Нам представляється, що версія, по якій *fat* слід перекладати як “толстий”, не зовсім вписується в образ героя, який повинен бути енергичним і підтянутим. Чи Гамлет Шекспіра повинен був нагадувати його комедійного персонажа, — толстяка Фальстафа в “Гамлеті”.

Очевидно, потрібні додаткові текстологічні дослідження для того, щоб зробити остаточний вибір на користь того чи іншого значення даного прикметникового.

Складності перекладу також пов'язані з неточностями, які допускаються в багаточисленних списках і при редактуванні текстів п'єс Шекспіра.

Наприклад, ніхто з фахівців до сих пор не може точно сказати, що означає слово *comart* в монологі Горацио про Фортинбраса. Не міг дати зрозуміле тлумачення цій лексемі в своєму відомому словнику і знавець шекспіровських текстів Ч. Аніонз [8].

Багато перекладачів вважають, що тут має місце орфографічна помилка. Вважається, що це неправильно написане слово *comract*, що означає “до угоди”. Контекстологічний аналіз шекспіровського тексту дозволяє погодитися з висновком про опечатку, яка закріпилася в різних виданнях Гамлета:

< ... >

By Fortinbras of Norway

Dar'd to the combat, in which our valiant Hamlet

< ... >

Did slay this Fortinbras; who by a seal'd compact

< ... >

Did forfeit, with his life, all those his lands
Which he stood seiz'd of, to the conqueror;

< ... > which had return'd

To the inheritance of Fortinbras,
Had he been vanquisher, as, by the same comart,
And carriage of the article design'd,
His fell to Hamlet [5, p. 7].

В указанном монологе, где речь идет о договоре с Фортинбрасом, слова *comract* и *comart* связаны одной лексемой *same*, что позволяет рассматривать их как два варианта написания одного и того же слова.

Итак, еще раз подчеркнем, этот контекстологический анализ дает возможность с большой долей вероятности говорить здесь об одном и том же слове, которое во втором орфографическом варианте можно считать грамматологической, т. е. связанной с правописанием, ошибкой, которая закрепилась и в современных редакциях оригинального текста. Мы считаем, что перевод данного выражения “*by the same comart*” как “тем самым договором”, является вполне приемлемым.

Не вызывает возражения и перевод М. Лозинского “по силе заключенного условия”, где фактически речь идет об одном и том же договоре.

Ещё одним “тёмным местом” является следующая реплика Гамлета:

Ham. I am but mad north-north-west.

When the wind is southerly, I know a hawk from a handsaw [5, p. 48].

Существуют три основных версии толкования этого фрагмента.

В соответствии с первым подходом *handsaw* переводится как “ручная пила”, что делает фразу Гамлета просто абсурдной, поскольку у зоонима *hawk* и орудия труда (*handsaw*) нет никаких точек соприкосновения, т. е. тех общих признаков, на основании которых эти объекты можно было бы принять один за другой. Однако сторонники данной версии исходят из того, что Гамлет постоянно притворяется сумасшедшим и поэтому намеренно включает в свою речь абсурдные фразы с членами оппозиции, которые не имеют общего основания. Поэтому эти шекспироведы называют перевод “Я еще могу отличить ястреба от пилы” правомерным.

Сторонники второй версии считают, что, а handsaw это искаженный вариант слова heronsew, которое трактуется и переводится как “цапля” [8, p. 100]. В этом случае фраза Гамлета приобретает хоть какой-то логический характер, так как появляется гиперонимическое основание для того, чтобы один объект мог быть принят за другой.

Оба члена контрадикторной корреляции здесь являются зоонимами, обозначающими птиц, — hawk и heronsew. В этом случае обоснованным является следующий перевод: “Я еще могу отличить ястреба от цапли”.

Сторонники третьей версии считают, что не слово handsaw является искаженным словом лексемы heronsew, а слово hawk являет собой графически искаженное слово hask — мотыга. Тогда фраза Гамлета переводится следующим образом: “Я еще могу отличить мотыгу от пилы”. Как и во втором случае, здесь сокращается логическое основание дифференциации — разграничиваются два орудия труда.

Таким образом, трактовка данной реплики Гамлета до сих пор остается вопросом спорным.

Много споров вызывает и перевод слова a difference в следующей реплике сошедшей с ума Офелии, обращенной к Гамлету:

Oph. O’you must wear your rue with a difference [5, p. 97].

Известны следующие наиболее часто встречающиеся варианты перевода выражения “with a difference”:

- с отличием;
- по-своему;
- с достоинством или с честью.

Как можно убедиться, предлагаются самые различные переводческие решения, в том числе буквальный перевод, с учетом современного лексико-семантического варианта слова “difference” — “отличие, различие”.

Ч. Анионз же считает, что Офелия якобы предлагает сделать руту элементом родового герба Гамлета как символ печали и верности, в которой она сомневается. В этом случае реплика Офелии приобретает характер ироничного упрека [8, p. 58].

Еще одна версия перевода, — с помощью выражения “с честью” или “с достоинством” нам представляется достаточно убедительной. Здесь мы имеем дело с практически неизвестным современному зрителю/читателю значением слова difference, с которым были знакомы

современники Шекспира, либо с неточностью орфографического характера.

Смеем предположить, что переписчик в свое время перепутал это слово с лексемой *deference*, которое и во времена Шекспира и сегодня означает “достоинство”, “честь”, “уважение”.

Разные толкования получила и странная реплика Горацио на вопрос Бернардо о его местоположении:

Вер. Сай —

What, is Horatio there?

Нор. A piece of him [5, p. 54].

В буквальном переводе это означает “кусочек его”. М. Морозов переводит эту реплику Горацио как шутливое “Я за него”. Переводчик здесь разделяет точку зрения Довера Вильсона, который считал, что Горацио сжался от холода в комок и смеется над собой.

М. Лозинский предпочел дать буквальный перевод, что, на наш взгляд, является не очень удачным решением:

Бернардо

Это,

Горацио с тобой?

Горацио

Кусочек его [7, с.135].

Ч. Анионз в своем “Глоссарии” вообще не упоминает этот случай использования Шекспиром лексемы “*piece*”, очевидно по причине того, что считает этот ответ все еще “темным местом” трагедии.

Настоящей загадкой считается известная фраза Горацио, который якобы одержал победу над поляками:

Нор. So frown'd he once, when, in an angry parle,

He smote the sledged Polacks on the ice [5, p. 3].

М. Морозов переводит вторую часть этой фразы следующим образом:

“Вышвырнул на лед сидевших в санях поляков”. Таким образом переводчик постарался избежать здесь четкой привязки к конкретному историческому событию.

У М. Лозинского находим перевод, где упоминается битва с поляками:

Горацио

< ... > Вот так он жмурился, когда на льду

В свирепой схватке разгромил поляков [7, с. 138].

А. Азимов, считает, что упоминание о столкновении с поляками, о битве с ними исторически достоверно, так как между Данией и Польшей в X–XI вв. велась борьба за целый ряд прилегающих к Померании территорий.

Однако указание места битвы — “на льду” наталкивает на мысль, что Шекспир перепутал здесь поляков с русскими. Азимов предполагает, что фактически речь идет о битве между тевтонскими рыцарями и русским войском под водительством Александра Невского на озере Пейпус (Чудском), которую Шекспир ошибочно представил как битву между датчанами и поляками. Ошибка, очевидно, была вызвана тем, что тевтонские рыцари по национальности были преимущественно шведами, а Швеция в XIII в. была частью Дании [9, с. 89].

Если Шекспир действительно имел в виду битву на Чудском озере, то он допустил и еще одну “историческую” ошибку: победа в этой битве была за Востоком, а не за Западом.

М. Морозов в своих примечаниях к переводу “Гамлета” упоминает и совершенно другую трактовку этой фразы, которая могла бы снять с Шекспира все обвинения в искажении исторических фактов: “бросил на лед свой бердыш”. Сторонники этой версии считают, что лексема *Polacks* это искаженное слово *Pole-axe*. Но тогда возникает вопрос о значении лексемы *sledged* и *smite*. В этом случае не ясно, почему бердыш находился в санях, а глагол *to smite* в таком переводе следует рассматривать как синоним глагола *to throw (away)*, что также достаточно сомнительно.

Таким образом, даже этот беглый анализ интерпретации “трудных мест” в трагедии Шекспира “Гамлет” показал, что в шекспировской текстологии существует еще много спорных вопросов, которые ждут своего решения.

Комплексное использование различных методов позволяет найти более убедительные версии трактовки различных фрагментов трагедии “Гамлет”, что, в свою очередь, даст возможность найти и более удачные варианты их перевода.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Задорнова В. Я. Восприятие и интерпретация художественного текста / В. Я. Задорнова. — М. : Высшая школа, 1984. — 152 с.
2. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века / Ю. Д. Левин. — Л. : Наука, 1988. — 327 с.
3. Морозов М. М. Избранное / М. М. Морозов. — М. : Искусство, 1969. — 670 с.
4. Spevack M. The Harvard Concordance to Shakespeare/ M. Spevack. — Berkeley; Los Angeles, 1973. — 1600 p.
5. Shakespeare W. Seven Plays / W. Shakespeare. — Т. : Penguin Books, 1982. — 792 p.
6. Longman Exams Dictionary. — L. : Pearson, 2006. — 1828 p.
7. Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии, сонеты : в 2 т. Т. 2 / В. Шекспир. — М. : РИПОЛ классик, 2004. — 752 с.
8. Onions C. T. A Shakespeare Glossary / C. T. Onions. — Oxford : Clarendon Press, 1922. — 259 p.
9. Азимов А. Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы / А. Азимов. — М. : Центрполиграф, 2007. — 811 с.